

УДК 316.42

М.В. Удальцова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Анализируются социокультурные возможности модернизационного развития российского общества, приводятся сравнительные характеристики отдельных показателей развития России и других развитых стран, высказывается предположение об особенностях российской модернизации.

Ключевые слова: модернизация, институциональные преобразования, социальное неравенство, человеческое развитие.

Все прогрессы реакционны, если рушится человек.

А. Вознесенский

Под модернизацией мы понимаем процесс «осовременивания» существующего социально-экономического пространства с целью возрастания его способностей к развитию, повышению конкурентоспособности и благополучия человека. Исследование возможностей и перспектив модернизированного развития российского общества предполагает, прежде всего, исследование собственно социального пространства, т.е. социальной действительности, и ее особенностей в современной России.

Само понятие социальной действительности, согласно П. Бурдьё, есть не что иное, как структура социальных позиций [1. С. 557]. Она конструируется каждый раз как форма выражения и обобщения имеющейся информации в зависимости от целей и средств исследования. При этом необходимым условием конструирования социального пространства является релевантность и существенность свойств, на базе которых его конструируют. Такие свойства П. Бурдьё называет «позициями», причем позициями активными, придающими субъектам социальной деятельности способность добиваться результатов. Эти результаты П. Бурдьё называет «капиталами». Позиция каждого субъекта социальной деятельности определяется объемом и структурой его «капиталов», т.е. структурой сил. И в целом П. Бурдьё определяет социальное пространство «...как поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [1. С. 569].

Какие же позиции и их силы существуют сегодня в российском обществе, которые способны или неспособны создать возможности для его модернизационного развития? С известными ограничениями к ним можно отнести следующих агентов: домохозяйства, вовлеченные и не вовлеченные в наемный труд, предприниматели (индивидуальные, представители малого и среднего

бизнеса), крупный бизнес, чиновники и госслужащие. Структура каждого из них неоднородна. Так, среди домохозяйств 10% находятся за чертой бедности, 30% – только обладают шансами активной социально-экономической деятельности, 40% находятся в зоне риска бедности, 20% – средний класс [2. С. 74]. Только 20% домохозяйств обладают силой (по П. Бурдые) и способны транслировать модернизационные практики всему обществу. Как правило, это молодая, более образованная, лучше материально обеспеченная, живущая преимущественно в городах социальная группа. Хотя данная группа не очень многочисленна, все же она является реальной силой в российском социальном пространстве. Политическим агентам (чиновникам и госслужащим) следует научиться с ней взаимодействовать, если они действительно хотят создать условия для модернизационного развития России. Взаимодействие власти (политиков) и наиболее активной группы населения автоматически обеспечено не может быть, так как и власть, и представители активной социальной группы (в основном *предприниматели*) имеют свои эгоистические (групповые) интересы. Тем более что непосредственным инициатором активных действий данная группа выступать не будет: она сначала «*взвесит*» свои *выгоды* и только тогда поддержит преобразования. Кроме того, в роли пассионариев данная группа выступать *в принципе не может*, ее главная цель – реализация собственных интересов (а не общественных), причем она вполне может поддержать и все формы теневых практик. Россия входит в число 5 стран с самым низким уровнем предпринимательской активности, хотя известно, что малый бизнес гибко перестраивается под потребности рынка, использует передовые технологии, генерирует создание рабочих мест и является основным «двигателем» конкуренции. В среднем в России на 100 тыс. населения – только 160 малых предприятий, в мире – один малый предприниматель на 17 человек. В 2011 г. разорились 280 тыс. российских производителей, и только 40% из них готовы снова начать собственное дело [3, 6]. Российский деловой климат традиционно благоприятен только для крупных организаций, хотя на государственном уровне принимаются программы поддержки малого и среднего бизнеса. В развитых европейских странах малый бизнес создает 70% ВВП, в США – 40% [3, 6]. При сохранении сырьевой экономики добиться таких же результатов в России весьма проблематично и, наверное, невозможно.

Представители власти (чиновники, госслужащие) и работники госкорпораций также не всегда способны быть инициаторами модернизационного развития. Им не свойственны риск и ответственность за результаты, их больше интересует социальная стабильность, что сегодня не способствует прогрессу. Социальная стабильность была прогрессивным явлением в начале 2000-х, после хаоса 1990-х гг. Но сегодня стабильность практически способствует размыванию институтов развития. Вместо институциональных гарантий (законов, норм, правил и т.п.) появляются преимущественно *персональные* гарантии, что обычно является тормозом для модернизационного развития. Прав был Н. Бердяев, отмечая, что в России нет институтов, а есть персоны.

Для характеристики социокультурного потенциала российской модернизации представляет интерес и динамика структуры денежных доходов населения за период 2000–2010 гг. (табл. 1). При этом важно учесть не только

официальные доходы, но и скрытые, прежде всего скрытую заработную плату. Следует заметить, что скрытая заработная плата – весьма характерное явление для современной российской экономики.

Таблица 1
Динамика структуры денежных доходов населения России за 2000–2010 гг., %

Год	Всего денежных доходов	Оплата труда			Доходы от предпринимательской деятельности		Доходы от собственности		Социальные выплаты	
		без скрытой зарплаты	включая скрытую зарплату	в т.ч. скрытая зарплата	без скрытой зарплаты	включая скрытую зарплату	без скрытой зарплаты	включая скрытую зарплату	без скрытой зарплаты	включая скрытую зарплату
2000	100	50,6	62,8	24,7	20,5	15,4	9,0	6,8	18,3	13,8
2001	100	52,2	64,1	25,9	17,0	12,8	7,7	5,7	20,5	15,2
2007	100	56,0	67,5	26,1	13,5	10,0	12,0	8,9	15,7	11,6
2008	100	56,4	65,5	20,8	13,0	10,3	11,4	9,0	16,7	13,2
2009	100	54,2	65,2	24,0	12,8	9,7	10,8	8,2	19,6	14,9
2010	100	56,4	66,4	23,0	12,1	9,3	5,6	6,3	23,4	18,0

Источник: Доклад о развитии человеческого потенциала, РФ. 2011. М.: Весь Мир, 2012. С. 50, 53.

Исходя из данных табл. 1, агентами социальной действительности, имеющими определенные позиции и в силу этого, обладающими определенным «капиталом» модернизации современного социального пространства России (по П. Бурдьё), могут быть, во-первых, получатели предпринимательского дохода, во-вторых, получатели доходов от собственности и, в-третьих, определенная часть работников наемного труда. Формально к получателям предпринимательского дохода могут быть отнесены:

- индивидуальные предприниматели (в 2008 г. их было 3434,2 тыс., в 2010 г. их число сократилось до 2 млн человек);
- нотариусы и адвокаты (их примерно 64 тыс. человек);
- крестьянские и фермерские хозяйства (253,1 тыс. человек);
- личные подсобные и индивидуальные хозяйства (22799,4 тыс. человек).

Однако реально из общего числа индивидуальных предпринимателей, владельцев фермерских хозяйств, нотариусов и адвокатов в число получателей предпринимательского дохода могут войти не более 5% (по критерию материальной обеспеченности). Это вызвано слабым развитием в российском социальном пространстве таких мощных рыночных структур, как банки, страховые компании, лизинговые компании и др., которые могут создавать достаточные возможности для развития предпринимательства [2. С. 51]. Небольшую долю в общих доходах населения России составляют и доходы от собственности (не более 5–10%), а доходы от личного подсобного хозяйства вообще позволяют только *выживать*, а не способствовать модернизационному развитию. Значительным ресурсом модернизации могут быть только доходы от рыночных источников (от собственности, предпринимательской деятельности). Но в России сегодня они возможны для 8% населения, в развитых странах – для 20–25% [2. С. 52].

Анализ данных табл. 1 показывает также, что сегодня в России главным ресурсом модернизационного развития остаются *наемные работники*, осо-

бенно те из них, которые являются высокооплачиваемыми профессионалами и заняты нефизическим трудом. За счет них модернизационный ресурс может быть увеличен до 50–60%. Сюда же может быть вовлечено около 33% домохозяйств [2. С. 52]. Однако эти цифры выражают только потенциальную возможность модернизационного развития за счет данного ресурса. В реальном социальном пространстве современной России наряду с формированием рынка труда создаются и неформальные (по отношению к рынку) виды оплаты труда, например скрытая заработная плата. Это имеет принципиальное значение для оценки отношений на рынке труда и возможностей модернизационного развития за счет данного ресурса. По данным обследования населения по проблемам занятости, оплаты труда, проведенного в 2009 г. Госкомстатом РФ, участниками формального рынка труда являются только 50,6 млн человек со средней заработной платой 18 637,5 руб., а 16 млн человек имеют неформальную занятость со средней заработной платой 37 613 руб. (при условии, что все работники не совмещают занятость на двух и более работах и работают полный рабочий день) [2. С. 53].

Доля социальных выплат (без учета скрытой заработной платы), как показывают данные табл. 1, достаточно высокая (выше, чем в советское время). Но эта доля весьма неустойчивая, так как целиком зависит от «нефтяной иглы» и налогового перераспределения. Сам факт наличия высокой доли социальных выплат свидетельствует об увеличении «давления» на малый и средний бизнес, увеличивает риски для инвестиций в инфраструктуру и препятствует институциональным преобразованиям. А модернизационное развитие прежде всего диктует необходимость именно институциональных преобразований. Известно, что институты – это относительно устойчивые системы взаимодействия индивидов, в которых устанавливаются определенные нормы и правила. Функционирование и развитие общества будут более устойчивыми, если в нем достаточно развиты и развиваются, например, институт семьи и брака, рыночные институты, социальные, политические и т.п. Качество институционального пространства определяет динамику развития и общества, и человека, что находит выражение не только в человеческом, но и социальном капиталах.

Социальный капитал выражается в уровне доверия, существующего в обществе. Однако реальные распределительные отношения, социальное неравенство и, как отмечалось, некачественное институциональное пространство в российском обществе отрицательно сказываются на формировании доверия. Коэффициент Джини (характеризует степень отклонения фактического распределения доходов отдельных лиц или домохозяйств от абсолютного равенства) в 2011 г. составил в России 42,3 (в Норвегии – 25,8; в Канаде – 32,6; в Швеции – 25,0; в Германии – 28,3), а уровень дохода в квинтилях (характеризует отношение показателя среднего дохода богатейших 20% населения к среднему показателю дохода беднейших 20% населения) составил в этом же году 8,2 (в Норвегии – 3,9; в Канаде – 5,5; в Швеции – 4,0; в Германии – 4,3). Эти показатели характеризуют социальное неравенство в среднем по России, региональные же показатели еще более удручающие [4. С. 139, 140]. Введенный международным сообществом показатель многомерной бедности (ИМБ) также отражает значительное социальное неравенство в России (хотя в некоторых странах оно еще больше) (табл. 2).

Таблица 2

Индекс многомерной бедности

Рейтинг стран по ИЧР в 2011 г.	Страна	Индекс многомерной бедности		Население в условиях многомерной бедности			Население, уязвимое к бедности (%)	Население в состоянии тяжелой бедности (%)	Доля людей в многомерной бедности, лишенных доступа к экологическим услугам			Население за чертой бедности	
		Год	Значение	(%)	Тысячи	Интенсивность депривации (%)			Питьевая вода (%)	Канализация, подкл. к системе очистки сточных вод (%)	Современные виды топлива (%)	ППС 1,25 доли США в день (%)	Национальная черта бедности (%)
65	Беларусь	2005	0,000	0,0	0	35,1	0,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	5,4
66	Рос. Федерация	2003	0,005	1,3	1883	38,9	0,8	0,2	0,1	0,4	0,1	0,0	11,1
76	Украина	2007	0,008	2,2	1018	35,5	1,0	0,2	0,1	0,1	0,3	0,1	7,9
101	Китай	2003	0,056	12,5	161675	44,9	6,3	4,5	3,0	7,7	9,1	159	2,8

Источник: Доклад о человеческом развитии. М.: Весь Мир, 2012. С. 143.

Таблица 3

Индекс гендерного неравенства и его индикаторы в 2011 г.

Рейтинг стран по ИЧР в 2011 г.	Страна	Индекс гендерного неравенства (2011)		Индекс материнской смертности (2008)	Коэффициент рождаемости у подростков (2011)	Места в национальном парламенте (женщины %)	Население, имеющее как минимум среднее образование (% людей в возрасте 25 лет и старше)		Коэффициент экономической активности населения (%)		Общий показатель фертильности
		Рейтинг	Значение				женщины	мужчины	женщины	мужчины	
1	Норвегия	6	0,075	7	9,0	39,6	99,3	99,1	63,0	71,0	2,0
4	США	47	0,299	24	41,2	16,8	95,3	94,5	58,4	71,9	2,1
6	Канада	20	0,140	12	14,0	24,0	92,3	92,7	62,7	73,0	1,7
9	Германия	7	0,085	7	7,9	31,7	91,3	92,8	53,1	66,8	1,5
10	Швеция	1	0,049	5	6,0	45,0	87,9	87,1	60,6	69,2	1,9
12	Япония	14	0,123	6	5,0	13,6	80,0	82,3	47,9	71,8	1,4
20	Франция	10	0,106	8	7,2	20,0	79,6	84,6	50,5	62,2	2,0
28	Великобритания	34	0,209	12	29,6	21,0	68,8	67,8	55,3	69,5	1,9
65	Беларусь	...	...	15	22,1	32,1	...	...	54,8	66,5	1,5
66	Рос. Федерация	59	0,338	39	30,0	11,5	90,6	95,6	57,5	69,2	1,5
76	Украина	57	0,335	26	30,8	8,0	91,5	96,1	52,0	65,4	1,5
101	Китай	35	0,209	38	8,4	21,3	54,8	70,4	67,4	79,7	1,6

Источник: Доклад о человеческом развитии. 2012. С. 139–140.

Индекс многомерной бедности – это процентная доля населения, испытывающего многомерную бедность, скорректированная с учетом интенсивности депривации.

В России, как и в бывших советских республиках, значительно не только общее социальное неравенство, но и гендерное (табл. 3).

Более высокая степень гендерного равенства – это не только разумный подход к экономике, повышению производительности труда, но и к повышению ресурсов модернизационного развития, так как в этом случае повышается уровень доверия в общественных отношениях (т.е. социальный капитал), в том числе и для последующих поколений. Для успешной модернизации необходима соответствующая государственная политика, направленная на коррекцию хронических гендерных разрывов в области женской смертности, образования, экономических возможностей, уровня оплаты труда и др.

Существует еще один важный социокультурный аспект российской модернизации – это личностные характеристики российского населения, в значительной степени определяющие особенности модернизационного развития и сами возможности его осуществления. Международное исследование «Культурные факторы модернизации» (март – апрель 2011 г.), проведенное Центром независимых социологических исследований в России, США, Германии, выявило такие специфические черты российского работника, как значимость призвания, интереса к работе, творческого начала, индивидуализм, нежелание следовать правилам, отсутствие культуры производства, потенциальная конфликтность, «трудоголизм», инертность, авторитарный стиль руководства, универсальная квалификация (приобретенная, кстати, в российской системе образования) [2. С. 46]. Приведенные характеристики российского населения, по сути, являются вполне адекватными для развития малого и среднего бизнеса. (Нужна только «государственная воля»). В связи с этим на первых этапах российской модернизации следует активнее развивать малый и средний бизнес. Крупные компании всегда ассоциируются с соблюдением стандартов, технологической дисциплины, что не является сегодня, как выяснилось, приоритетной ценностью российского населения. Модернизация же, как известно, по мере своего развития нуждается не только в активном поведении людей, но и в крупномасштабном производстве. Переход к нему в России возможен только через развитие образования и культуры, направленное на формирование ценностей порядка, стандартов, правил и вообще институциональных норм во всех формах взаимодействия. Изменение личностных характеристик населения на разных этапах модернизации выступает как важный социокультурный аспект самого модернизационного процесса.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала, РФ. 2011. М.: Весь Мир, 2012. 145 с.
3. Аргументы недели. 2012. № 44.
4. Доклад о человеческом развитии 2011. М.: Весь Мир, 2012. 176 с.